

ТАТЬЯНА КРАВЕЦ

МЕЛОДИИ
ФЕВРАЛЯ

Татьяна Кравец
Мелодии февраля

«Издательские решения»

Кравец Т.

Мелодии февраля / Т. Кравец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501677-5

У каждого человека в жизни случается событие, которое меняет взгляд на мир. Все вокруг может радовать, если хорошее событие — встреча «своей половинки». Или вдруг пришедшая влюбленность, когда уже за пятьдесят... А может, все восприниматься иначе — если измена, тяжелая болезнь, дорожная авария... Но горечь исчезает, когда вновь почувствуешь теплое дыхание — родных или друзей, улиц или городов, путешествий или удивительных встреч. И тогда жизнь опять наполняется... Чем? А у кого чем получится!

ISBN 978-5-00-501677-5

© Кравец Т.
© Издательские решения

Содержание

Мелодии февраля	6
Вера желанная	10
Обещало лето	13
Сватовство	16
Данька	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мелодии февраля

Татьяна Кравец

– Зачем ты губы красишь, ведь на улице темно?

– А вдруг встречу свою судьбу.

– Если это судьба, то ей все равно, покрашены губы или нет.

Из диалога с коллегой

– Если всё расписано на небесах, что же остаётся человеку?

– Подробности... Придумай подробности – сочинишь судьбу.

Григорий Горин,

«Дом, который построил Свифт»

Дизайнер обложки Сергей Фурнэ

© Татьяна Кравец, 2019

© Сергей Фурнэ, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-1677-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Если кто-то узнает похожие события и ситуации или найдет в героях свои черты, не стоит сопоставлять с реальностью.

Книга не документальная, здесь – авторские думы, вымысел, фантазия.

Мелодии февраля

Сидя на заднем сиденье автомобиля, Майя приподняла голову и увидела, как водитель жажал уши руками и раскачивается, словно китайский болванчик. Потом ее взгляд переместился на лобовое стекло – сквозь снежные сугробы к ним бежит мужчина и размахивает руками. Подбежал, открыл дверь, что-то ей говорит, но она ничего не слышит, взгляд приклеился к губам мужчины: как интересно они шевелятся...

Она вспомнила ту немую картинку, как только ступила на средневековую улочку Таормины – ее любимого сицилийского городка. Февраль здесь по-весеннему теплый. Прошел дождь. Брусчатка в солнечных лучах блестела как зеркало, отражались и синее небо, и серебристые облака. Пустынно, не сезон. Редкие прохожие попадались навстречу: кто-то говорил по телефону, кто-то друг с другом. Но она не слышала ни звуков, ни разговоров. Как тогда в машине.

В Таормину Майя приехала сразу, как только уволилась с работы. Любимой работы – расследования преступлений. За два десятка лет столько разных уголовных дел прошло через ее руки. В последние годы, когда перешла в специализированное экономическое подразделение, нагрузка очень выросла: мошенничества при долевым строительстве, кредитовании, с банковскими картами, финансовые пирамиды – тысячи пострадавших и сотни томов уголовных дел. Приходилось забывать про выходные и праздники. Из-за этого и семья распалась: детей не было, а бывший муж предпочел более «домашнюю» женщину. Но Майя по этому поводу давно отпереживала – работа стала домом. И вдруг в доме исчезла радость. Она поняла, что устала, что дошла до грани, когда перестала смеяться.

– Слушай, Майка, какие анекдоты сейчас прочитала, – подошла коллега в момент кофейного перерыва. – На экзамене по философии в Одесском университете преподаватель задает студентам лишь один вопрос: «Почему?». Высокий балл получил студент Яша, который ответил: «А почему бы и нет?..». И вот еще, смешной: «Менеджер одесского банка так и уговорил грабителя взять и ипотечный кредит!..». Ты что никак не реагируешь? Настроения нет?

Майя еле выдавила улыбку, больше похожую на гримасу при зубной боли. А раньше бы расхохоталась от души. Недавно также отреагировала на любимый фильм «Ликвидация», где герои прежде смешили до слез непревзойденными диалогами: «Знаешь его? – Знаю. – А где он сейчас? – А я знаю?».

Но и тогда она не сразу решила на увольнение. Понадобился еще один предвестник, чтобы утвердиться – пришла пора уходить. Автомобильная авария. Майя с коллегой ездили на окраину города по уголовному делу о незаконном обороте алкоголя – осматривали обнаруженные помещения для производства суррогата. Бутлегеры действовали с размахом: имелась автоматизированная линия по розливу, канистры с сырьем, море стеклотары с пробками, этикетками. Потому задержались до темноты и вызвали такси. Только отъехали, завернули на второстепенную улочку, как вдруг мощный удар! И темнота. И тишина.

В Таормине в феврале тоже тишина. Но другая. Ни капли тревожности или суеты. Тишина чистая, прозрачная, обволакивающая. В этой обстановке себя ощущаешь иначе. Кто сказал? Кажется, Гете: «В поездках ты перерождаешься – все старое, ставшее тесным, оставляешь, как детские башмачки». Она почувствовала тогда, что ей надо на Сицилию. Была уже четыре раза и не уставала восхищаться тем, как соединились здесь разные культуры – греков, римлян, галлов, норманнов, арабов. Сочетание величия и хрупкости, основательности и изящества. Для нее этот город стал особенно душевным.

После удара Майя очнулась от холода – стекло задней двери оказалось разбито, с головы слетела шапка, упала сумка, лежавшая на коленях. Машинально пошарила внизу – попались и шапка, и сумка. Подняла глаза, увидела, что к машине кто-то бежит. Через несколько минут

тишина стала уходить. Сначала услышала прибежавшего мужчину: «Вам скорую вызвать?». Потом различила голос водителя: «У вас все лицо в крови...». Глянула на свои руки – тоже кровь. Пока разглядывала, коллега, сидевший рядом с водителем, вышел из машины и стал ходить туда-сюда, туда-сюда. В шоке. Наконец, Майя пришла в себя и закричала: «Скорее снега, кровь остановить!».

«Скорую» вызывать не стали. Голова Майи была цела – шапка спасла от сильного удара о дверцу, а кровь на лице – порезы от разбившегося стекла. Удар пришелся на уровне заднего сиденья, потому Майю с силой отбросило на противоположную сторону. Вызвали новое такси, коллега проводил домой, соседка обработала перекисью раны и дала успокоительное. Майя уснула.

А утром начался кошмар. Взглянула на себя в зеркало: левая сторона лица опухшая и в порезах, буквально в миллиметре от глаза... И затрясло! Кожей ощутила, что была на волосок... Мгновенно вернулись вчерашние видения: машину от удара развернуло на дороге, вынесло на встречную полосу – чудо, что там никого не оказалось, и отбросило к краю дороги, за которым глубокий кювет и столб. Стало безумно страшно, пронеслось: столько еще дел не успела сделать! На работе не закончила статью для российского следственного сборника: об уголовном деле, практики расследования которого еще не было в России. Дома не дописала второй детектив – хобби, которым отвлекалась от реальных уголовных дел. А еще мамин инвалид, у сестры операция, племянница на личном перепутье. Нет, никак нельзя было там, на дороге, остаться!

И, уволившись, Майя полетела в Таормину. Приходить в себя. В зимний сезон многие отели здесь оказались закрыты. Но эта «закрытая» пора обеспечила особый комфорт. В ресторане ее отеля на завтрак были заняты один-два столика, а потом она три дня жила одна и завтрак приносили в номер. В немногочисленных работающих ресторанах предлагался любой столик на выбор. В высокий сезон горожане приходят ужинать около девяти часов вечера – после туристов. А сейчас все ужинали в одно время и Майя почувствовала себя почти местной.

С первого момента, как вышла на балкон номера, не сдержала эмоций: «Красивейший вид! И пальмы, и море!». И в последующее каждое утро беспричинный восторг: ах, дождь – «какая мелодия», крыши – «умытые терракотовые черепицы», серпантин – «дорога в никуда», аромат – «море, ветер, апельсины».

В феврале в Таормине дышалось потрясающе легко и свободно. Не сравнить с туристическим сезоном, когда с утра до полуночи толпы людей на улице Корсо Умберто, все площади заняты, лестницы превращаются в кафе и повсюду звучит музыка. Сейчас вдруг высветилась другая красота города: не кусочками – уголок, ступенька, фонарик, а объемная – во всей широте, высоте, колоритности.

Неожиданные повороты в переулочки открыли Майе прежде незамеченные руины театра-бассейна Наумахии, где гладиаторы проводили морские бои, городскую библиотеку в церкви Святого Августина – и подумать не могла, что там хранятся труды Аристотеля, Макиавелли, Савонаролы, «скульптурный» парк, где три года назад установили памятник Анне Ахматовой – бальзам на русскую душу!

В другой раз, случайно зайдя в керамическую мастерскую, увидела рождение чуда: на ее глазах маэстро расписывал вазу. На стенах красовались удивительные керамические картины. Майя замерла перед одной. Какая глубина, хотя вроде ничего особенного: на белом фоне силуэт мужчины, играющего на скрипке, вдали отражение его тени, по сторонам очертания желто-красных предметов, напоминающих скамейки. Что за место? Время? Нечетко, неясно. Но возникло ощущение чистоты, гармонии, музыки.

И побережье Таормины радовало душу. Море на глазах переливалось из голубого в серое, синее, лазурное... На теплых камушках пляжа вблизи острова-дома Isola Bella (Красивый остров) отдыхало немало людей. Одни читали книги или гаджеты, вторые разглядывали причуд-

ливые камешки, третьи любовались природой. Майя прилегла на прибрежную гальку: для спины – стоунтерапия, для легких – морской воздух, для души – воспоминания. Конечно, романтичные.

На этом пляже в свой первый приезд на Сицилию она познакомилась с симпатичным местным жителем. Светлые волосы, вытянутое скуластое лицо, синие глаза. Майя, зная немного язык, стала с ним общаться. Позагорали, разошлись. А вечером он приехал к ней в отель: вместе отдыхали в пиано-баре, пили вино, слушали музыку. И вдруг среди томного созерцания услышала от него: «Facciamo l'amore». Не сразу поняла, проговорила про себя – «фачьямо аморе». Так это же «займемся любовью»! Какой темперамент, только встретились и сразу «фачьямо аморе». С улыбкой отказалась, и на завтра уже покинула гостеприимный остров – отпуск закончился.

Вслед за сицилийской романтикой мысли повернулись к российской. Надо же было Майе перед увольнением увлечься коллегой. Столько лет работали вместе, не замечала, и вдруг обратила внимание. С ним было интересно и радостно общаться, он не раз бывал у нее в гостях. Однако порой доставлял и немало горьких минут. Такие слова говорил, столько обещал и не делал.

– Знаешь, он не плохой, он просто такой и никогда не изменится, – заметила ее подруга, – он всегда будет обещать. А ты всегда будешь расстраиваться, переживать, думать. Он ворует твоё время, твоё драгоценное время. Не стоит, забудь!

И Майя с удивлением обнаружила, что воспоминание о романе с коллегой совсем не взволновало ее. Не иначе целебный морской воздух отвлек от ненужной привязанности! Да, время – ценно. А сколько же времени у нее осталось здесь? Три дня? Как быстро все пролетело!

Почти перед отъездом Майя решила съездить на экскурсию в Катанию и попала на роскошную репетицию праздника Святой Агаты. Узнала, что жители молятся святой как защитнице от пожаров, наводнений, а главное – от извержений вулкана Этна. И вулкан уже много лет спокоен, лишь изредка «дышит» черным песком, устраивая нелетные периоды в международном аэропорту этого города.

Агата-защитница невольно вернула Майю к той аварии – она подумала, что и ей тоже надо молиться своей защитнице. Замелькали картинки – удар, темнота, шапка, кровь, стекло, снег... Она сжалась, зажмурилась, вновь ощутила внутри липкое чувство страха. Тряхнула головой, открыла глаза, выдохнула: все в прошлом, все будет хорошо. Впрочем, почему будет? Оглянулась – уже хорошо: пусть дождь, но тепло, красиво.

Тепло... Собираясь в поездку, Майя выяснила, что в Таормине ожидается до плюс семнадцати градусов, потому взяла с собой легкое пальто, болоньевую безрукавку, свитерок и пять блузок. Но всего-то один день и ходила в блузке! Блаженствовала под солнечными лучами в греко-римском театре III века до нашей эры – с видом на море и вулкан Этна. А последующие дни пришлось наряжаться в свитерок: было прохладно из-за ветра и частого дождя. Понятно, что скоро теплую одежду она невзлюбила. пожаловалась по телефону подруге, и та «утетила»:

– Попробуй свитер «обновлять» сверху блузками, так носят. Или отрежь у него рукава, будет жилетка на блузку, тоже оригинально.

На веселый совет Майя и нашлась лишь, что ответить английским анекдотом:

– Дорогой сэръ, поскольку моя секретарша дама, я не могу продиктовать ей то, что о вас думаю. Более того, поскольку я джентльмен, я не имею права даже думать о вас так. Но так как вы ни то, ни другое, я надеюсь, вы поймете меня правильно!

Отправив это послание, она пришла в хорошее расположение духа и пошла гулять в том же самом одеянии. Неожиданно обратила внимание на витрины магазинов, мимо которых раньше проходила не глядя. Увидела повсюду скидки – семьдесят процентов. Зашла, примерила и купила новый свитер Trussardi!

«Надо же, ирония случилась, и подарок появился», – вдруг поймала себя на мысли Майя. Значит, февральское дыхание любимой Таормины отогрело, успокоило, вдохновило. И она по-новому ощутила свет, цвет, вкусы, запахи. И яркие звуки: шума морского прибоя, шелеста апельсиновых деревьев, шепота пальм.

Перед глазами вдруг встала керамическая картина, которая несколько дней назад заставила замереть. Она поняла: белый фон вокруг скрипача – это словно короткая пустота вблизи, которую все-таки затмевают сочные краски и звуки. Пospешила в мастерскую и купила ее! В душе зазвучала мелодия.

Через две недели после возвращения из Таормины Майя приобрела билет на итальянскую оперу на осенний сезон. В венецианский театр «Ла Фениче». По-русски – «Феникс».

Вера желанная

Вера открыла дверь и, увидев у меня в руках пакет, продекларировала: «Любовник приходит с бутылкой водки».

– Нет-нет, это шампанское, – стал я возражать и вдруг замер. – Любовник?

– Не заморачивайся, – рассмеялась она. – Это я вспомнила название старой газетной статьи. Давно читала, забавный случай. Мужчина приходил на свидание к женщине с таким презентом, в итоге сам напивался и засыпал. Но ты же пришел не на свидание, а поговорить. Да проходи, проходи, – увидев мое замешательство, она потянула за рукав.

А как было не замешкаться, если я пришел на... свидание. Только она об этом еще не знала.

Я не понял, в какой момент это случилось. Может в августе, когда мы с женой пришли к ней в гости после почти двухлетнего перерыва? Я обрадовался встрече, хотя в прошлом мы особо не общались. С Верой приятельствовала жена – искусствовед по образованию, она ценила картины, которые Вера писала. На одной из художественных выставок они и познакомились, а потом подружились. Часто встречались раньше. Вера жила одна – с мужем развелась, дочь училась в вузе в другом городе, и любила душевные встречи, разговоры за бокалом хорошего вина об искусстве, ведь побывала не в одном знаменитом музее России и Европы: Эрмитаж, Лувр, Уфицци, театр Дали в Паламосе, галерея Академии в Венеции... И свои картины выставляла за границей. Но последние годы она ограничила все встречи, погрузилась в работу, готовила новую выставку. И вот встретились! Хотя я знал Веру больше десяти лет, в этот раз как будто увидел впервые. Не смог сдержать улыбки, непроизвольно ринулся с объятиями.

А, может, новое восприятие Веры возникло, когда через неделю после визита к ней я узнал о любовной истории, случившейся в то время, когда мы не виделись? Она писала портрет на заказ и неожиданно влюбилась в героя, а он, поначалу проявлявший симпатию, вскоре исчез без объяснений. До этого момента я ничего не знал о ее личной жизни. Про нее не ходило никаких слухов, как про других творческих личностей – с кем, где, когда. Она не откровенничала с подругами. Жена говорила, что личную жизнь Вера отражает в образах и красках.

С тех пор я все время думал о Vere, и в сентябре нашел повод зайти в гости. Без жены, с шампанским. Вера обрадовалась мне, но как старому приятелю, с которым можно не церемониться. Встретила в домашнем халатике, после ванны, с узбекскими косичками – запросто рассказала, что это для пышности волос вместо химической завивки! Я опешил: все равно, что раньше предстать перед любовником в бигуди, но тут же спохватился, так я-то пока кто? Болтала как с подружкой или давним коллегой, абсолютно игнорируя мою мужскую сущность. Это равнодушие разжигало меня еще сильнее. За второй бутылкой шампанского, которое она любила, я присел поближе, приобнял, стал целовать и... она откликнулась. Но ничего не случилось. Увы, время упустил и с игристым напитком переборщил: Вера прилегла на диван и заснула. Пришлось уйти.

Позвонил на следующий день, спросил разрешения прийти.

– Ты серьезно? – спросила она со смехом. – Не боишься, что мне понравится? Что потом делать будешь?

– Ну, если будет хорошо, то почему не повторить? – подхватил я шутливую интонацию.

– Нет, никаких повторений, – последовал категоричный отказ. – Ни в коем случае!

Перезвонил через пару дней и услышал:

– Не настаивай. Ну было, чуть не сошли с ума один раз, теперь-то зачем?!

Я все-таки настоял, убедил ее встретиться и поговорить...

За 20 лет брака я ни разу не изменял жене. Кто-то, может, не поверит, но это правда. Несмотря на прожитые годы, обожал смотреть, как она улыбается – словно солнышко озаряет

лицо, как ходит – то изящно, то вприпрыжку, словно девчонка. Бойкая, но такая ранимая, что хотелось ее всегда и всюду защищать. Сразу для себя осознал, что семья – главное. И в постели у нас все было хорошо, я знал каждую складочку на ее стройном, несмотря на рождение сына, теле.

К тому же я очень много работал, по сторонам смотреть некогда было. Среди знакомых знал немало таких, кто успевал не только крутить серьезные многолетние романы, но и жить на две семьи. При этом с женщинами я всегда быстро находил контакт: по натуре не наглый, воспитанный (спасибо маме с папой), коммуникабельный. Говорили, что симпатичный, на известного артиста похож. Как ни самонадеянно прозвучит, чувствовал, что стоит мне захотеть и романы будут. Да, случалось, флиртовал, провожал, но до серьезного никогда не доходило.

Что же вдруг нашло на меня сейчас? Пришел к Вере с предложением встречаться. Она испытала шок! Не понимала, как может солидный и умный мужчина, каким она меня считала, увлечься знакомой женщиной, тем более не молоденькой, а почти ровесницей. Я начал говорить банальности – что захотелось разнообразия, и вроде как сам не ожидал, но в жизни всякое может случиться...

– Понятно что может, но я причем? Старомодная, не без морщинок, да и тело начало «плыть», – она самокритично прошла по своей анатомии – у художников обнажение как у врачей. – Откуда вдруг такое внимание? Хочешь что-то доказать себе? Жене? Или пари с кем-то заключил?

Я смотрел на Веру и не знал, что ответить. Меня влекла к ней абсолютная непохожесть на жену – не короткая аккуратная стрижка, а непослушные длинные волосы, не элегантные приталенные костюмы, а длинные юбки и легкие блузоны. Но я не собирался оставлять семью, бросаться в любовь, как в омут с головой. И даже где-то в глубине души думал, оправдывая себя, что, наверное, жена хоть раз увлекалась другим мужчиной.

Но почему именно Вера? Может, дело в простом комфорте? С возрастом его начинаешь особенно ценить. Мы взрослые люди, не надо заморачиваться конфетно-букетным периодом и искать место для встреч, без кокетства можно разговаривать обо всем. И потом, с ней интересно – легкая, светящаяся от только завершенной работы над картиной, отправленной на выставку в Германию, веселая, сексуальная.

Когда она встала из-за стола, чтобы убрать бокалы (учел прошлый опыт и принес всего одну бутылку шампанского), я обнял ее за талию, прижал к себе. Как и тогда, в мой первый визит, ее тело сразу откликнулось. Халат упал на пол: красивая грудь, тугие соски, но внизу...

– Что это? Где интимная стрижка? – я не смог сдержаться. – Хотя бы в зоне бикини?

– Что? Ты мне будешь... – она вдруг замолчала, а потом развеселилась. – Ты как та героиня Салтыкова-Щедрина, которая спрашивала у маменьки, как шею мыть – для большого или малого декольте! Ты как предпочитаешь: чистый вариант без единого волоска или только в зоне бикини?

– Но у тебя же совсем прошлый век. Не эстетично. Еще в древнем Риме и Египте...

– Дело вкуса, – перебила она. – В некоторых азиатских странах сейчас в моде операции по пересадке волос с головы в интимную зону. Знаешь, а некоторые мои знакомые художники специально подрисовывают волоски бритым натурщицам. Еще врачи говорят, что волосы обеспечивают защиту микрофлоры от ненужных бактерий и сохраняют феромоны, привлекающие противоположный пол. Ты же привлекся, – закончила она со смехом.

Я вновь прижал ее к себе. Нежный поцелуй в шею – с ума сойти, как реагирует. Как истосковалась...

– Можно еще вопрос? – выдержка и такт покинули меня. – Как давно у тебя были сексуальные отношения?

– Мне не очень повезло с самого начала, – тихо произнесла она после долгой паузы...

По роду своей адвокатской деятельности по гражданским делам мне приходилось разбираться во многих непростых отношениях, и я считал себя неплохим психологом. Услышав первую фразу Веры, понял, что последует исповедь о жестоком обмане. Но ошибся! Вера продолжала разрушать мои мужские стереотипы.

– Я влюбилась в мужа подруги. Когда она это заметила, то сказала: «Это хорошо, что ты его выбрала, он стоящий мужчина. Но ты никогда не сделаешь мне больно, ведь меня ты тоже любишь». И как заколдовала! С тех пор мужей подруг как мужчин не воспринимаю (не обобщать про других женатых). Вскоре вышла замуж, но ненадолго. Потом в меня влюбился муж начальницы, я тогда работала в художественной школе. Красиво ухаживал, но до чего же тяжело было работать – начальница относилась ко мне очень по-доброму... Ты не о том спрашиваешь! – она резко оттолкнула меня и попросила уйти.

Как оказалось, не могла Вера переступить через свое отношение к моей жене. Как же потом в глаза ей смотреть? Пошел одеваться. Прощаясь, мы полчаса, как подростки, стояли в коридоре, обнявшись.

Я уехал, но через час не выдержал и позвонил:

– Наверное, я выглядел глупо, говорил неприличные и даже циничные вещи. У меня впервые такое. Я все еще чувствую на себе твой запах. Мне очень нравится твой запах.

Через неделю помчался к Вере. Нашел, казалось, отличный аргумент против ее «как смотреть в глаза?». Решил напомнить о творческих личностях, у которых были отношения втроем: Маяковский с семьей Лилии Брик, Тургенев и семья Полины Виардо, Сальвадор Дали и Галя с Полем Элюаром... Она слушала с интересом. Я убеждал с азартом, попивая шампанское, к которому Вера в этот раз почему-то не притронулась. А я принес аж три бутылки – шиканул! И убедил! Случилось! Погладив меня по щеке, Вера пошла в душ!

Я не увидел, когда она вышла. Уснул! Присел в кресло в ожидании и уснул. Подскочил в час ночи в ужасе. Глупее ситуации представить бы не смог! Лучше бы, как тот любовник, пришел с водкой – не так обидно было бы.

Вера спала. Ушел, не прощаясь.

Мы встретились через полгода. На вернисаже. Вера выглядела помолодевшей, ее сопровождал приятный статный мужчина.

Улучив момент, она подошла и сказала, что хочет поговорить. И призналась, что я своим порывом помог ей выбраться из скорлупы сдержанности, за которой она пряталась после развода. Ей снова захотелось почувствовать себя не только художественной натурой, но и просто желанной женщиной. Недавно вышла замуж за хорошего знакомого. И за это она очень мне благодарна! Ну и за стрижку, конечно.

Обещало лето

Словно бусинки скатывались слова с языка. Катюша повторяла их снова и снова. «Еще не сказано ни слова, такие близкие уже. И ответ неба голубого прошелся по моей душе...». Что за автор? Николай Иванов? Нет, не знает, не слышала никогда. Ах, да какая разница, кто сочинил. Главное, кто прислал ей это стихотворение. Женя, Же-неч-ка... Тоже бусинки.

Катюша росла активной и романтической девочкой. О втором до поры до времени никто не догадывался. О первом же знали все. К своим 15 годам она в какой только спортивной секции не занималась: фигурного катания – всего месяц, зато узнала, что не создана для небесных поворотов; гимнастики – аж два года блистала в упражнениях с лентой, но тренер уехала; легкой атлетики – вот где удалось себя проявить! Худенькая, жилистая, длинноногая, Катюша оказалась прекрасным спринтером, стометровку не бежала – летела. Очень быстро получила второй взрослый разряд и стала чуть ли не первым номером команды на областных соревнованиях. А еще 200 метров с препятствиями. Интуитивно точно, до миллиметра, чувствовала она место толчка перед барьером, отталкиваясь, словно птица взмывала вверх. Да так, что ножки – прямая правая и согнутая в колене левая – составляли с беговой дорожкой красивую параллель. За четыре года атлетической жизни ни один барьер не упал!

Но травма оборвала спортивную карьеру. На тренировке отрабатывала прыжки лыжника: одна нога, согнутая в колене, вперед, вторая, вытянутая, за ней – вдруг резкая боль! Колено словно вывернулось в другую сторону... и... тьма. Тренер подбежал, оцупал ногу: нет, не связки, хуже – разрыв мениска. Насколько серьезно? Наверное, очень, ведь ни разогнуть, ни ступить не может. А через неделю Катюша появилась на стадионе, правда, прихрамывая. Еще через месяц заявила, что хочет тренироваться. И ведь начала. И через полгода отобралась на областные соревнования с прицелом на всероссийские. Но старт и – «взрыв» колена, кубарем по дорожке. Операция, реабилитация... Все! Спорта в жизни не осталось.

Катюша сильно расстроилась. Впрочем, ненадолго. Ее активная натура требовала действий, и она записалась в школьный драмкружок. При симпатичной внешности – большие голубые глаза, густые русые волосы – у нее оказался и удивительно подходящий для сцены тембр голоса. Она умела выразить любые интонации – от торжественно-высоких до интимно-мягких. Умела держать паузы.

Как-то на репетиции стала читать стихотворение Афанасия Фета «Старые письма»: «Давно забытые, под легким слоем пыли. Черты заветные, вы вновь передо мной. И в час душевных мук мгновенно разбудили... Все, что давным-давно утрачено душой...». Совсем недетские стихи – что может школьница знать о душевных муках, но у Катюши получалось как-то нежно, проникновенно. Одноклассница, сидевшая в тот момент за пианино, вдруг взмахнула рукой и пробежала по клавишам: зазвучала грустная мелодия. Катюша продолжила чтение с неожиданной для себя страстностью. Все, кто были в зале, застыли. Такая пронзительность... У самой Катюши с последним звуком перехватило дыхание. Стихи прочувствовала всем своим существом, всеми жилками. Музыкальный аккомпанемент, словно ветерок, занес поэтические звуки в юную душу. И в поэзии для нее открылся новый мир: нежный, сладостный, грустный, воздушный.

С того дня Катюша стала ощущать себя лирической героиней. Когда читала Евгения Баратынского – «Приманкой ласковых речей вам не лишит меня рассудка...» – представляла, что одноклассник Юра, который бегал за Ленкой, в один прекрасный момент заметил, как Катюша похорошела, и влюбился. Стал ухаживать, а она ему небрежно-язвительно: «Конечно, многих вы милей, но вас любить – плохая шутка!». Под строчки Сергея Есенина – «Вы помните, Вы все, конечно, помните...» – она видела страдающего по ней Сережку с верхнего этажа их дома, который катал ее на мопеде. В другой раз воображала, что сосед по парте

Витька вдруг признается ей в любви пушкинскими словами: «Я вас люблю, хоть я бешусь...». К поэзии Александра Пушкина Катюша прикипела особенно. Татьяна Ларина стала любимой героиней, на ее место девочка переносилась чаще всего. Только если на роль старого мужа-генерала подходили разные знакомые, то с Онегиным оказалась беда – никого не находила.

Романтичность Катюши внешне никак не проявлялась. Она просто читала стихи со сцены и для себя! Прошло полгода, прежде чем ее душевные порывы обрели внешние очертания. Но случилось это далеко за пределами школы – на горной турбазе, куда ее отправили родители на две недели каникул. Город, где жила Катюша, располагался на берегу реки, так что водных процедур девочке хватало с избытком: она с малолетства бегала с подружками и мальчишками на пляж и рыбалку. А гор не знала. Вот и решили родители подарить ей новые ощущения на Алтае.

С турбазы все группы отправлялись в поход по горному массиву – со стоянками, палатками, котелками, костром, дежурствами по кухне. Катюша пошла вместе с группой из другого города. И там был Женя.

Он показался ей красивым, как Аполлон. Вытянутое лицо, чувственные губы, манящие глаза. И дымчатые очки, которые придавали лицу киношную загадочность. А еще он отличался взрослым поведением. Или ей так показалось? Но он проявил себя в первый же вечер на стоянке. Разожгли костер, расселись вокруг – группы были мало знакомы, и общий разговор не клеился, болтали в основном друг с другом те, кто сидел рядом. Поехавшая с Катюшей одноклассница предложила спеть то, что в драмкружке репетировали, – и они несмело тихонько начали... Никто не отреагировал, разговоры вокруг не прекратились. И только Женя взмахнул рукой:

– Пацаны, тише. Девчонки поют...

Две недели похода пролетели для Катюши как сказка. Она парила. Нелюбимые многими дежурства по кухне воспринимала с радостью – ведь и Женя сможет оценить ее кулинарные способности. Нелегкие вылазки со стоянки по высоким горным тропам, куда немногие соглашались, совершала в числе первых, чтобы он увидел, какая она сильная и ловкая. На посиделках у костра принимала активное участие во всех играх и конкурсах, затеянных инструкторами: как же по-другому показать ему свою смекалку и знания?

Но Женя общался с ней по-дружески, как со всеми. Последнюю ночь перед отъездом домой Катюша не спала: все думала-гадала, что делать? А к утру решила написать ему письмо с признанием. Словами любимой Татьяны Лариной: «Я к вам пишу, чего же боле... Что я еще могу еще сказать?..». Однако душевных сил, чтобы отдать послание из рук в руки, уже не хватило: не выдержала бы ухмылки или, того хуже, ответа, что влюблен в другую. Попросила передать письмо инструктора Наташу, с которой подружилась. Ей и адрес свой оставила. А вдруг? Вдруг он спросит!

И он спросил, а еще – написал!!! То самое письмо со стихами! Она читала и перечитывала: «...И отсвет неба голубого прошелся по моей душе. Он не прошелся, а нахлынул, как пред началом и концом, бушующий весенний ливень. К тебе повернутый лицом...». Выучила стихи наизусть, но все равно каждый день открывала письмо, чтобы еще раз посмотреть на буквы, строчки. Зачитала до дыр.

Потом стали приходиться другие письма. Обычные, почтовые – об электронной почте тогда и не слышали. Без стихов, но так же радующие. Женя вспоминал о прошедшем турпоходе, писал о себе, родителях, одноклассниках, увлечениях. Через месяц выслал свою фотографию с подписью: «Дорогой Катюше на долгую память». Она чуть не задохнулась от счастья: неужели и он к ней неравнодушен?! Неужели она ему понравилась?! Ну да, ведь он назвал ее дорогой. Как-то она поинтересовалась, знают ли его родителей о ней. «Конечно. Мама время от времени спрашивает: «Что там твоя Катя пишет?» – отозвался Женечка.

За влюбленностью и письмами незаметно прошла зима, наступила весна. А к началу лета родители Катюши узнали, что лучшим подарком на успешное окончание девятого класса может стать исключительно поездка на ту же самую турбазу в то же самое время. Женя тоже хотел поехать, но не был уверен, что родители смогут организовать путевку. А звонить ему Катюша стеснялась, ведь может подумать, что она навязывается.

– Через неделю выезжать, а известий от Жени нет, – она чуть не плача смотрела на подругу, которую зовала с собой в поход. Увлекала ее рассказами о туристической романтике, а на самом деле, не отдавая себе отчета, хотела ощущать рядом ее поддержку. Мало ли что будет!

Еле дождалась дня отъезда, и вот уже вместе с группой в поезде, везущем их до города, где жил Женя и в окрестностях которого располагался туристический комплекс. По прибытии выяснилось, что предстоит четыре часа ждать до отправления автобуса на турбазу.

– Сходим к Жене домой? – обратилась подруга к Катюше. – Зачем мучиться неизвестностью? Ты ведь говорила, что он недалеко от вокзала живет.

Дверь открыла его мама, приятная женщина, похожая на учительницу. Лишь взглянув на девочек, она тут же с улыбкой воскликнула:

– Ты – Катя? Я узнала, сын рассказывал. А его нет дома, он на турбазе – так получилось, что даты пришлось срочно сдвинуть. Собирался в спешке и, видно, сразу в горы ушел, так что не связался с тобой по телефону.

До турбазы группа Катюши добралась к вечеру. Получили рюкзаки, снаряжение, чтобы с утра пораньше выйти на маршрут, и всей группой отправились к общему костровищу. Подошли, и в тот же миг Катюша столкнулась взглядом с Женей. Он стоял на другой стороне и смотрел на нее, не отрываясь. И показался еще красивее, чем прежде.

– Привет, – подошел с таким видом, как будто расстались вчера.

– Приве-е-т, – чуть слышно прошептала она в ответ. – Внутри все замерло, сжалось, похолодело. Вдруг испугалась, что эта встреча может разочаровать его, она покажется смешной, глупой... Поблекнет созданный образ из писем...

– Пойдем погуляем, поболтаем.

Катюша оглянулась в поисках подруги, ее взгляда и поддержки, но не увидела, а может в душевном волнении не заметила. Пошла. И всю дорогу мучительно думала – что говорить??? Женя что-то спрашивал, а она лишь «да» и «нет». Все силилась найти слова: остроумные, легкие, чтобы как бусинки с языка... Но не находила...

Они расстались скоро и навсегда. То лето вместе с болью Катюша постаралась забыть.

С годами, конечно, поняла, что совсем не страшно не нравиться кому-то, не страшно и перед любимым «быть смешной, распущенной и не играть словами». Счастливо вышла замуж.

Но то лето все-таки не прошло бесследно. Оно сделало ее... известной актрисой. С первых же ролей необъяснимо и непостижимо из глубин памяти вдруг всплывали давние, казалось, забытые ощущения безумного страха и оглушающей боли (первая любовь – самая сильная!): даже в коротких эпизодах появлялась запредельная искренность, трагизм, тайна.

Сватовство

«Баба-бабариха, баба-бабариха... Свет в окошке...». Все утро крутились в голове Ольги эти слова. Тут же на лице появилась улыбка и следом вздох: не горький, но с грустинкой. Никак она не могла отвлечься от вчерашнего вечера. В гостях услышала удивительную историю. И сердце защемило. И прошлое вернулось...

...Тамара поехала в родное село на похороны мамы. Папа умер раньше, и младший восемнадцатилетний брат Сергей остался один в большом доме. Оба были вне себя от горя. Когда похороны прошли, сестра заговорила об отъезде в город, где она жила и работала, но брат категорически отказался покидать дом. В деревне все на виду, и сарафанное радио быстро разносило новость. Бабушки-соседки поспешили на помощь:

– Томка, брата надо женить! Один он с хозяйством не справится.

– Как женить? – опешила сестра. – На ком?

– В соседней деревне живет симпатичная девчонка, Валькой зовут, – сообщили знающие бабушки. – Завтра поедем, посватаемся.

– Не видя человека? Не зная его?

– Если Валька не понравится, заедем в другое село, – серьезно рассудили соседки, – там Анька живет, шустрая.

Тома понимала, что надо что-то делать, ведь хозяйство немалое – дом, огород, корова. Но женить? Двадцатый век на дворе, и сватовство? Глупо, нелепо! Однако, подумав немного, махнула рукой: чего ж не съездить, других вариантов все равно нет. Оглянулась на брата. Худой, долговязый, растрепанный и растерянный. Он не мог поверить в происходящее, ни с кем не разговаривал, на все реагировал безразлично – будь что будет.

На следующий день поехали к Вальке. От увиденного у Тома сердце зашло. Изба-развалюха, в сенях загончик для кур и место для поросенка. А в центре комнаты – люлька с новорожденным. Тут уж сестра с братом встали как вкопанные: про ребенка никто не предупредил! В доме оказалась лишь мама Вальки. Узнав, что свататься приехали, заохала-засуетилась. Вскоре и дочка появилась: невысокая, стройная, сероглазая. Увидев незнакомых, насторожилась, а как узнала, зачем приехали, бросилась в сени и – слезы в три ручья:

– Мама, ты меня из дома выгоняешь? Не надо мне никого мужа!

– Девушка, милая, успокойся, – обратилась к ней Тома. – Никто неволить не будет. Мы же только познакомимся. А ты, наверное, отца ребенка любишь?

– Никого не люблю! Не хочу замуж! – рыдала Валька.

Сергей как безучастным вошел в дом, так и вышел. А Тамара выдохнула – гора с плеч: брату самому нянька нужна, какой из него отец. Поехали к Аньке. Та оказалась действительно шустрой. С порога, смахнув со лба непослушную черную челку, заявила, что любит другого и ждет от него предложения. Визитеры развернулись домой.

А на следующее утро к Томе прибежала соседка-фельдшер, у которой был единственный телефон в деревне: «Скорей ко мне, мама Вальки звонит». И гадать не пришлось – девушка передумала. Тамара схватилась за голову: вот напасть! Но раз сами затеяли, не идти же на попятную. Пригласила приехать к ним завтра: предстояло девятидневные поминки отвести – глядишь, по хозяйству поможет.

Валька приехала... с чемоданом и младенцем. Брат и так был немногословен, а тут совсем дар речи потерял. Думал, просто познакомятся, пообщаются, а она сразу жить. Вскоре подкатила Анька. Девчонки, как выяснилось, были знакомы, и после вчерашнего визита сватов поспешили увидеться (благо, села через лесок), обсудили и договорились вместе приехать. Анька сразу взялась накрывать на стол. И так ладно у нее все получалось, что Тома залюбовалась. Уловила минутку и шепнула брату, чтобы к Ане присмотрелся. Но вечером услышала:

– Мне Валька глянулась. Пусть она остается.

– С ребенком? Может, пока отвезете его к родителям? Поживете, присмотритесь друг к другу.

– Пусть остается, справимся, – с неизвестной до сих пор твердостью произнес брат. И взгляд у него был непривычно взрослый.

Сестра не стала возражать. С тем и уехала.

– Сергей с Валею живут в любви и согласии больше четверти века, – радостно завершила свою историю Тамара. – Брат усыновил чужого младенца, своих двое родилось. Валька из стройной девушки превратилась в бабу-бабариху, но для него она по-прежнему свет в окошке!

– Баба-бабариха... Свет в окошке... – улыбалась и вздыхала Оля все утро, вспоминая вчерашний вечер.

Даже не предполагала, что в свои сорок лет она, успешный врач и кандидат медицинских наук, может быть такой сентиментальной. Но разбередили душу разговоры. И вспомнилось свое, далекое. Была у нее большая любовь, была. И началась она с трагического события.

Но прежде случилось неудачное свидание. Она согласилась на встречу с Игорем сразу. Как? Почему? Впервые увидела его в поликлинике, куда устроилась работать сразу после мединститута, а он, офицер спецназа, пришел проходить ежегодный профосмотр. Внешность самая обычная, но голос – низкий, глухой, как у почтенного старца: глянула в карточку – всего 35 лет. А потом привлек его взгляд – черные глаза смотрели на нее цепко, глубоко, проникновенно. Коллеги-медики, давно Игоря знавшие, поведали немало любопытного. Вроде однажды он подчиненным устроил суд чести – не терпел вранья. Как-то обнаружил абсолютно незаметные улики по делу о двойном убийстве – имел поразительную интуицию. Однажды отвязал и выпустил привязанного к дереву барашка, взятого на шашлыки – так любил животных... Каких только «однажды» не оказалось в биографии героя!

И Ольга почувствовала нешуточный интерес к этому мужчине. Мелькнула мысль: от такого хотела бы родить ребенка, и даже без замужества (он ведь женат). Мелькнула и исчезла – о ребенке ли тут думать, ведь он ее совсем не замечает. Однако заметил. И предложил встретиться:

– Во сколько заканчивается твоя работа, я подъеду.

Они покатались по городу, затем заехали в кафе, где Игорь заказал вино... Вдруг оказалось, что вино только для нее, сам же он не пил вообще. После бутылочки французского Оля опьянела (в волнении не заметила, как все выпила) и попросила отвезти ее домой. В машине он, такой галантный весь вечер, стал очень настойчивым и страстным – «поцелуй-шмансы-обжимансы». Она рассердилась, оттолкнула его и ушла, обидевшись:

– Подумаешь, вином угостил! Что же мне – за угощение расплачиваться?

Это неудачное свидание никак не сказалось на последующих отношениях: когда они встречались, то спокойно и даже приветливо здоровались, общались.

А потом его сын тяжело заболел. И через месяц случилась беда – он убежал из больницы и покончил с собой. Не захотел больше мучиться: узнал, что его заболевание неизлечимо. Похороны... На Игоря страшно было смотреть.

Спустя месяц она позвонила ему – поговорить, поддержать.

– Я к тебе сейчас приеду? – перебил он Ольгу, лишь только услышал голос.

Ей было очень жалко его. Как раньше на Руси говорили: если жалеешь, значит, любишь. Ольге уже не нужно было никаких ухаживаний. Какая же дурочка – столько времени потеряла! Ночь... Космос... Единственные во Вселенной... А потом говорили и говорили – о себе, друзьях, службе, путешествиях. Лишь когда собрался уходить, вспомнили о сыне.

– Тебе надо научиться жить без него, – тихо заметила Ольга.

– Стараюсь. Пока не получается.

Он стал приходить. Каждый визит – праздник. Она ничего не требовала, парила от счастья. Убедилась, что все, что раньше о нем слышала, совсем не преувеличение. Однако время и лечит, и приносит новые обстоятельства в жизнь, в отношения. Оля стала все больше задумываться о ребенке. Но как, как? Невозможно.

Они расстались через какое-то время – просто, без сцен. У Ольги позже были еще романы. Но про ребенка почему-то больше не думалось. Может, всех других невольно с Игорем сравнивала? Так вышло, что про него никогда не забывала. Пусть не пришлось ей стать для него единственной бабой-бабарихой, но хоть на время они были друг для друга светом в окошке.

Как с ним, больше ни с кем ее душа не летала.

Как давно это было! Лет пятнадцать назад? Но воспоминания еще греют. До сих пор греют.

Данька

Судьба повернулась к Марине спиной, когда свершилось то, о чем сильно мечтала. Она, провинциалка, поступила в московское театральное училище, куда безуспешно пыталась попасть три года подряд! И сразу влюбилась в старшекурсника Антона, обаятельного парня с рыжей шевелюрой – увидела его на репетиции этюда, поняла, что особенный, и других замечать перестала. Чувства свои поначалу скрывала, не думала, что столичный парень обратит на нее внимание. Но ошиблась. В пылу отчаянных попыток поступления она просто не отразила в зеркале момент, когда из угловатой школьницы превратилась в очень привлекательную девушку. Изящный овал лица, тонкие черты, длинные волосы удивительного пепельного оттенка.словно аристократка прошлого века! Антон не смог пройти мимо.

Первый год учебы пролетел как во сне. Когда выяснилось, что Марина забеременела, любимый резко изменился. Откуда взялась холодность? Марина не находила ответа. Утешала себя тем, что он просто испугался, но скоро осознает, прочувствует, вернется. Как-то даже попыталась поговорить с ним, объяснить, как сильно его любит. Впустую. Тогда решила прервать беременность, пошла в больницу, но услышала отказ – время упущено. Как сомнамбула продолжала ходить на занятия. Хорошее самочувствие и отсутствие токсикоза позволяли ей даже заниматься танцами, делать акробатические этюды. А по ночам в общежитии лила слезы в подушку.

Мама Марины словно почувствовала неладное, стала звонить чаще обычного, но дочь никак не осмеливалась ей сказать о случившемся.

– Как дела? – Не волнуйся, все будет хорошо.

– Как сессия? – Все хорошо.

– Не голодаешь? – Не переживай, все будет хорошо...

Это «все будет хорошо» взволновало маму больше любых истерик. Она без предупреждения приехала в Москву. Вошла в комнату и обомлела: на кровати возвышался один большой живот. Справившись с волнением, просто сказала: «Что же ты лежишь, гостей не встречаешь?». И всю неделю, пока гостила у дочери, ни разу ни в чем не упрекнула, не задала ни одного вопроса. Когда уезжала, Марина пошла провожать ее на вокзал. На перроне мама быстро попрощалась и зашла в вагон. И вроде отвернулась, но дочь успела увидеть – она плачет...

После неожиданного визита Марина словно очнулась. Стала думать о своем будущем, о ребенке, следить за здоровьем. На одном дыхании сдала экзамены за первый семестр второго курса и поехала домой к родителям рожать. Где-то в душе затаилось не проходящее чувство горечи, что не оправдала надежд родителей и преподнесла им такой сюрприз, но знала, что поймут и поддержат. Рожала тяжело: неделю после родов лежала в реанимации. К счастью, через месяц они с сынишкой уже были дома.

Данька рос беспокойным, плохо спал, много плакал. Такое состояние малыша врачи списывали на родовую травму. А через полтора года у малыша обнаружилась задержка в развитии речи. В участковой поликлинике провели обследование, отклонений не нашли. Врач успокоил: «Ничего страшного. У мальчиков часто с опозданием все проявляется». Но когда исполнилось два года, а сын по-прежнему не мог произнести ни одного слога, Марина встревожилась не на шутку. Пошла к другим врачам – узким специалистам: провели массу обследований, получили результат и... мир рухнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.